

**ОТ ЮРОДСТВА К ДУХОВНОМУ ЛИДЕРСТВУ:
ЮРОДИВЫЙ АФАНАСИЙ И ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ ИНОК АВРААМИЙ
(XVII ВЕК)**

В статье предпринята попытка посмотреть на известные факты биографии Авраамия с целью проследить процесс метаморфозы юродивого в духовного лидера. Анализ его писем и сочинений позволил со всей очевидностью показать, что сразу после превращения юродивого Афанасия в инока Авраамия он стал не только осознавать себя явным духовным лидером, но таковым его признали и окружающие.

Ключевые слова: юродство, XVII в., церковная реформа, старообрядчество, социально-политический протест.

Юродство было распространенным явлением на Руси. Исследователи русского юродства в достаточной степени охарактеризовали основные моменты, составляющие этот парадоксальный вид подвига [Живов, 1994. С. 106–110; Панченко, 1984; 2008; Успенский, 1996. С. 468–470; Федотов, 1990. С. 199–209]. Для нас важно отметить только некоторые аспекты этого феномена. Сознательно выбирая юродство как путь святости¹, человек ориентировался в том числе и на слова из Послания ап. Павла: «Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтоб быть мудрым» (1 Кор. 3: 18). Практическое воплощение совета не увлекаться светской мудростью, а стать безумным с точки зрения мирского обывателя, чтобы сделаться мудрецом в христианском смысле, приводило вставшего на путь юродства к притворному безумию. Крайняя аскеза, самоуничтожение, мнимое безумие, сочетаемые с презрением к общественным приличиям, – характерные черты этого вида «самоизвольного мученичества».

Г. П. Федотов очень точно отметил особенности русского юродства, обратив внимание на следующие моменты: «1. Аскетическое поправление тщеславия, всегда опасного для монашеской аскезы. В этом смысле юродство есть притворное безумие или безнравственность с целью поношения от людей. 2. Выявление противоречия между глубокой христианской правдой и поверхностным здравым смыслом и моральным законом с целью посмеяния миру (1 Кор., I–IV). 3. Служение миру в своеобразной проповеди, которая совершается не словом и не делом, а силой Духа, духовной властью личности, нередко облеченной пророчеством» [Федотов, 1990. С. 200–201]. Затем исследователь привел в качестве свидетельств фрагменты из сочинений С. Герберштейна «Записки о Московии» и Д. Флетчера «О государстве русском», в которых посетившие Русь иностранцы писали об особом отношении к юродивым. Это позволило Г. П. Федотову сделать вывод о «многочисленности юродивых в Москве» и «что пророческое служение юродивых получает

¹ В данном случае речь идет о юродстве добровольном, в отличие от юродства природного. Об этом см.: [Панченко, 1984. С. 73].

в XVI веке социальный и даже политический смысл» [Федотов, 1990. С. 208–209].

Современный исследователь А. М. Панченко уделил большое внимание рассмотрению юродства как общественного протеста: «Активная сторона юродства заключается в обязанности “ругаться миру”, обличая грехи сильных и слабых и не обращая внимания на общественные приличия <...> добровольное подвижничество, бездомность, нищета и нагота дают юродивому право обличать «горделивый и суетный мир» [Панченко, 2008. С. 27]. Это обстоятельство, замечает исследователь в другой работе, постоянно подчеркивалось агиографами и на него указывали иностранные путешественники, посетившие Россию в XVI–XVII вв. Для нас особенно важно, что А. М. Панченко обратил внимание на возрастание в XVII в. общественной роли юродства, когда классический юродивый, протестующий одиночка, «превратился в человека партии, примкнув, конечно, к консервативному течению» [Там же. С. 116–153].

Церковная реформа, начатая патриархом Никоном, привела в лагерь ее противников значительную часть юродивых «Христа ради». В этом случае сыграла свою решающую роль связь юродства с обличением, критикой действий как отдельных личностей, так и социально-политических пороков общества. А. М. Панченко, говоря о возрастании общественной роли юродства в кризисные моменты, обратил внимание на участие юродивых в становлении движения защитников старого обряда. В частности, в предисловии к публикации повести о боярыне Морозовой он указал на конкретные факты пребывания в ее доме противников церковной реформы, в том числе и юродивых, которые находили у нее пристанище [Повесть..., 1979. С. 3–14].

Об общине юродивых, живших в доме боярыни, исследователи обычно пишут, ссылаясь на опубликованное Н. Субботиным письмо известного деятеля раннего периода старообрядческого движения игумена Златоустовского монастыря Феоктиста, отправленное в начале 1665 г. Ф. П. Морозовой. В нем говорилось следующее: «Странных же Христа ради, блаженнаго Киприяна, и многострадальнаго Феодора, и трудника неленостна Афанасия, яко ангелы Божия зри, и глаголы их Божия глаголы вмений...»

[Материалы..., 1874. С. 309–310]. В этом письме инок Феоктист пишет, чтобы к жившим в то время в доме Ф. П. Морозовой юродивым – «блаженному Киприяну, и многострадальному Феодору, и труднику неленостному Афанасию» – она проявляла особое почтение. По мнению автора письма, их нужно воспринимать как ангелов, провозглашающих «Божия глаголы», к которым следует прислушиваться. Здесь проступает характерное для русского общества отношение к юродивым.

Издатель к этому тексту дает пояснение: «Киприан, Федор и Афанасий юродивые известны в истории раскола, как духовные дети и преданные ученики Аввакума». Затем он представил краткие биографические сведения о каждом, сославшись на «Житие» и другие сочинения протопопа Аввакума, а также на «Виноград Российский» Семена Денисова [Там же. С. 310, сноска 1]. Действительно, в сочинениях защитников старого обряда, написанных в XVII – начале XVIII в., нашло отражение не только восприятие современниками подвига юродства, но и описание участия этих людей в борьбе с церковной реформой, начатой патриархом Никоном.

Яркий образ юродивого, защищающего старые обряды, создал в главе, посвященной Киприану, Семен Денисов в «Винограде Российском», написанном в начале XVIII в. В нем передано не только почтительное отношение к подвигу юродства, но особо подчеркнута его общественная роль, которая четко проступает в сентенции: «от обличения никогда же престати хотяше». Разумеется, речь идет не о свидетельстве современника, а о предании, сложившемся к началу XVIII в., что особенно ценно. Устные рассказы свидетелей подвига юродивого Киприана были использованы Семеном Денисовым для создания образа, в котором сочетались индивидуальные и типические начала.

Соответствующая глава открывается следующими словами: «Бяше тогда и дивный Киприан, иже мирови юрод и буй, богови же премудр и благоразумен показовашеся». Обозначив Киприана как взявшего на себя подвиг юродства, Семен Денисов постарался убедить читателя в том, что он «святого и великаго жития бяше». Аргументом для автора послужил рассказ о том, что Киприана знал сам монарх и «за премногую добродетель»

тель зело любил». В качестве довода приведен факт его езды «с царем на колеснице», который, как справедливо замечает А. М. Панченко, вполне мог соответствовать действительности. Характеристику юродивого Киприана заключает достаточно стандартная формулировка: «Муж конечного безстрастия и пророческого дарования исполнен»².

Вехой в жизни юродивого назван период церковной реформы: «Внегда Никонова новшества российския части болезнено колебати начаша и смущения и мятежа исполняти, тогда дивный Киприан к самодержцу на колесницу востекая, краткими увещаниями того моляше о древнем благочестии»³. Обозначив начало церковной реформы в качестве хронологического рубежа в жизни юродивого, автор сразу заявил, что он оказался на стороне ее противников. Для этого автору достаточно было подчеркнуть, что с первых дней он начал «увещать» государя, «моляше о древнем благочестии». Основная часть этой главы посвящена описанию участия Киприана в движении защитников старого обряда. Кратко и образно представил автор процесс агитации юродивым за старый обряд: «Таже, по улицам градским и по торжищу ходя, свободным языком древняго благочестия доброту возвещаше. Свободно и дерзновенно новины Никоновы обличаше и потязаше»⁴.

Особое положение юродивых в обществе, действительно, позволяло им, как точно определил С. Денисов, выражать свою поддержку старым обрядам «свободным языком», а также обличать «новины» не только свободно, но и «дерзновенно». Такой призыв не признавать изменения, внесенные в результате церковной реформы в обряд и богослужебную практику, был особенно убедительным и, скорее всего, привлек в стан противников церковной реформы многих. За пропаганду старого обряда Киприан был заключен сначала в темницу одного из монастырей, а затем сослан в Пустозерский острог.

«Тако блаженный, – продолжает свой рассказ автор «Винограда Российского», – во изгнании некая лета пребывая, не можаше носити молчанием, не можаше терпети

многосмущению церковных, но свободным языком, паки обличати, паки потязати новолюбительныя архиереи добромужественно дерзает присно благоревностными усты и сердцем тех новопреданныя укоряше догматы»⁵. Обличение сторонников церковной реформы и объявление незаконности нововведений юродивый Киприан, как об этом писал С. Денисов, не оставлял и в заключении. За свою приверженность старому обряду он был казнен.

Еще один человек из названных иноком Феоктистом в письме Ф. П. Морозовой – «многострадальный Феодор» тоже скончался юродивым, защищая древнее благочестие. Протопоп Аввакум часто писал о нем в письмах, а потом в своих сочинениях, вспоминая его жизнь и мученическую кончину. У Ф. П. Морозовой был конфликт с живущим у нее юродивым Федором, поэтому о нем Аввакум часто упоминает в письмах к ней. Например, отвечая боярыне Ф. П. Морозовой, которая жаловалась ему, «сердитуя на Федора», Аввакум заявил следующее: «Я детем своим велю Феодора любить – доброй он человек: прежде тебя я его знаю и давно мне сын духовной» [Памятники..., 1912. С. 39]. С такой теплотой он отзывался о живом Федоре.

С еще большей любовью он вспоминает о нем в своем Житии: «Зело у Федора тово крепок подвиг был: в день юродствует, а ночь всю на молитве со слезами. Много добрых людей знаю, а не видал подвижника такова! Пожил у меня с полгода на Москве. <...> На Устюге пять лет беспрестанно мерз на морозе бос, бродя в одной рубашке: я сам ему самовидец. Тут мне учинился сын духовной, как я из Сибири ехал. <...> Зело у него во Христа горяча была вера! Да что много говорить? – как начал, так и скончал! Не на баснях проходил подвиг, не как я, окаянной; того ради и скончался боголепне» [Житие..., 1979. С. 57].

Здесь описано характерное поведение юродивого, обличающего пороки общества. Юродивые, примкнувшие к движению противников церковной реформы, стали последовательными защитниками старого обряда, «свободным языком древнее благочестие возвещая». Они внесли свой вклад в превращение движения из внутрицерковного в широкое религиозно-общественное, по-

² Денисов С. Виноград Российский. Собрание рукописей Института истории СО РАН. № 54/71. Л. 119–119 об.

³ Там же. Л. 120.

⁴ Там же. Л. 120 об.

⁵ Там же. Л. 121 об.

сколькx открыто призывали народ не принимать нововведений и обличали патриарха Никона и его последователей. Их агитация была особенно убедительной, народ верил им более, чем самому пламенному оратору, формулирующему четко и ясно аргументы в пользу защитников старого обряда.

Устные инвективы, направленные в адрес царя и церковных властей, высказанные юродивыми, оказывались более действенными с точки зрения формирования общественного сознания. Кроме того, юродивые, не имея постоянного места жительства, свободно передвигались по стране. Их поведение делало возможным получить доступ к любому лицу, будь это государь или заключенный в темнице противник церковной реформы. Они выполняли роль «связных» между лидерами движения, передавая послания, челобитные. Об этом не только упоминается в письмах, но и на Третьей челобитной протопопа Аввакума имеется следующая приписка: «Сию челобитную подал великому государю Киприан, Христа ради уродивый, во 173 году, ноября в 21 день» [Памятники..., 1927. Стб. 754]. Исследователи справедливо объяснили этот факт желанием протопопа Аввакума таким образом усилить воздействие переданного текста на царя [Панченко, 2008. С. 37].

Юродивые Федор и Киприан приняли мученическую смерть, защищая право не принимать изменений, внесенных в обряд и богослужебную практику Русской Церкви в результате реформ, начатых патриархом Никоном. Они внесли свой вклад в распространение идей, сформулированных защитниками старого обряда, оставаясь до конца своих дней юродивыми. Выбрав этот парадоксальный путь подвига, они сумели таким образом повысить его социально-общественный статус. В этот контекст органично вписалась судьба юродивого Афанасия. В ней не только ярко проявились характерные черты русского юродства второй половины XVII столетия, когда была особенно заметна его связь с социально-общественным, религиозным протестом, но его судьба наглядно показала, каким образом бывший юродивый стал духовным лидером защитников старого обряда в Москве.

Кратко, но очень информативно представил биографию Афанасия протопоп Аввакум в своем «Житии»: «Хорош был и Афонасьюшко миленький, сын же мне духов-

ной, во иноцех Авраамий, что отступники на Москве в огне испекли, и яко хлеб сладок принесся Святей Троице. До иночества бродил босиком же в одной рубашке и зиму и лето; только сей Феодора посмирнее и в подвиге малехнее покороче. Плакать зело же был охотник: и ходит и плачет. А с кем молыт, – и у него слова тихо и гладко, яко плачет. Феодор же ревнив гораздо был и зело о деле Божии болезнен; всяко тщится разорити и обличити неправду» [Житие..., 1979. С. 57–58]. Поскольку юродивого Федора Аввакум представил очень подробно, поэтому он постоянно апеллирует к его образу, характеризуя Афанасия. Выражение «сей Федора посмирнее» станет понятным, если обратить внимание на письма Ф. П. Морозовой, которая писала Аввакуму «сердиту на Феодора». Протопоп Аввакум в данном случае имел в виду, что Афанасий был менее конфликтным человеком, «посмирнее», и в подвиге юродства пребывал «покороче», т. е. не до конца жизни.

В «Словаре книжников и книжности Древней Руси», в статье, посвященной Афанасию, которую написали А. М. Панченко и Н. В. Шухтина, разумеется, более подробно освещен его жизненный путь, но основные вехи, отмеченные протопопом Аввакумом, остались прежними: «Авраамий (в миру Афанасий) – юродивый, затем инок, ранне-старообрядческий писатель и поэт. Авраамий был земляком, учеником и духовным сыном протопопа Аввакума / <...> Весной 1672 г. на Болотной площади – против Кремля за Москвой-рекой, куда выходил государев сад, где устраивали кулачные потехи и где казнили еретиков и разбойников, – Авраамий был сожжен» [Словарь..., 1992. С. 31–33]. Эту цитату из современной словарной статьи мы привели для того, чтобы показать насколько был точен в сообщаемых фактах о жизни Афанасия протопоп Аввакум. Не менее ценно и сделанное им описание подвига юродства, образ которого дан в сравнении с поведением юродивого Федора.

Превращение Афанасия в инока Авраамия произошло в одном из монастырей после отъезда его из Москвы весной 1665 г. В письме игумену Феоктисту от 26 марта 1665 г. дьякон Федор сообщает следующее: «А я на Москве месяца марта в 26 день дал Бог жив, а впредь его ж святая воля, а Афонасей с Гаврилом уродивым собрались че-

людей здесять и поехали с Москвы, а мне многогрешному не поведали...» [Материалы..., 1874. С. 397] Здесь речь идет об отъезде Афанасия из Москвы весной 1665 г. По-видимому, к этому времени Афанасий стал весьма влиятельной фигурой в стане противников церковной реформы. Возможно, этому способствовала его духовная близость с протопопом Аввакумом. Во всяком случае, зимой 1665 г. Аввакум, находившийся в ссылке, в письме с Мезени, направленном Феокисту просит, чтобы тот проинформировал его о каких-то важных событиях, прояснив ситуацию: «Да отпиши ко мне кое о чем пространно – не поленись, или Афонася заставь» [Житие..., 1979. С. 174]. Следовательно, для протопопа Аввакума представляли равную ценность письма и уважаемого игумена монастыря, и юродивого Афанасия⁶. Он готов был прислушаться к их суждению по какому-то важному вопросу.

Протопоп Аввакум, скорее всего, поддержал Афанасия в его решении отказаться от подвига юродства. Защитникам старого обряда в это время особенно нужны были люди, способные не только призывать, но и убедительно обосновать право оставаться в оппозиции к нововведениям. А. М. Панченко справедливо считал, что отказ от подвига юродства был обусловлен, в том числе, и стремлением Афанасия реализовать себя в качестве писателя и поэта. Не менее важным побудительным мотивом можно считать и потребность в духовных лидерах, которую движение противников церковной реформы явно ощущало после собора 1666–1667 гг. Все видные деятели были либо деморализованы и отреклись от ранее отстаиваемой точки зрения, либо оказались в заключении. В этой ситуации нужны были люди, способные руководить все более ширившимся движением противников церковной реформы. Юродивый Афанасий как нельзя лучше подходил для такой роли. Как очень точно отметил А. М. Панченко, он «принадлежал к типу не только душевно здоровых, но и интеллигентных юродивых», был весьма начитан и, по-видимому, знаком с библиотеками Троице-Сергиевой Лавры и Иосифо-Волоколамского монастыря. Богатое творческое наследие инок Авраамия всегда привлекало внимание исследовате-

лей⁷, но до сих пор остается недостаточно изученным, как и сам факт отказа от подвига юродства.

В Москву он возвратился уже «чернецом» Авраамием в 1667 г. О своем благополучном возвращении в Москву он сообщил в письме, опубликованном Я. Л. Барсковым, так: «Чернец Авраамий возлюбленному другу Ивану Ивановичю радоватися. <...> А на Москве христороубцы ко мне на приезде великую милость и приятство показали, паче прежняго; а живут также в сетовании и в скорбех» [Памятники..., 1912. С. 70]. После одобрения на соборе 1666–1667 гг. результатов церковной реформы ее противники нуждались не только в моральной поддержке, но и в организации мер, направленных на смягчение участи осужденных. В письме другу инок Авраамий рассказал о своих возможностях в этом плане следующее: «А егда доволокася я до Владимира града, и обретох тамо прежняго друга своего Бориса Ивановича Остолопова, что племянник патриарху Иоасафу... и ко мне грешнику он, христороубец, не умалил прежней любви; наипаче же и сугубо любовь показал ко мне. Только поговорить было некогда – товарищи не подождали. А на Москве его заступлением братия наша зело похваляются. Да и мне, грешнику, такое милостивое слово изрек, что де какое дело будет в Патриаршем приказе, и аз о тебе буду писать. А я с Москвы нарочно еду к нему в Володимер побывать. <...> А он меня на том и отпустил, что мне быть у него» [Там же. С. 71].

Перед нами рассуждения делового человека, который озабочен положением единоверцев, живущих «в сетовании и в скорбех». Он ощущает свою ответственность за происходящее и рассказывает о влиятельном знакомом, с которым при встрече на пути следования к Москве ему не удалось поговорить, но он намерен специально съездить во Владимир, о чем есть договоренность. Как и в случае с описанием приема московскими «христороубцами», когда автор письма заметил, что они «великую милость и приятство показали, паче прежнего», рассуждая о встрече с давним своим знакомым во Владимире, Авраамий подчеркнул, что

⁶ Если в данном случае речь идет о нем.

⁷ Указание на публикации сочинений инок Авраамия и на литературу о нем см.: [Словарь..., 1992. С. 33–34; 2004. С. 657–658].

«он, христоробец, ко мне грешнику не умалил прежней любви». Возможно, это внимание к восприятию его личности было связано с изменением статуса: юродивый Афанасий превратился в инока Авраамия. В этой ситуации важно было почувствовать, что, как и прежде, к нему сохранилось особое отношение окружающих, проявляющееся в расположении, любви, которое на Руси испытывали к юродивым. В опубликованном Я. Л. Барсковым письме инок Авраамий подчеркивает, что оно не только сохранилось, но и стало «паче прежнего».

Инок Авраамий явно не ошибся в такой интерпретации отношения к нему единоверцев. По возвращении в Москву он возглавил общину староверов, что свидетельствовало об уважительном отношении к нему и о его авторитетности в среде «христоробцев». Отказ от подвига юродства давал Авраамию возможность принимать участие в борьбе с церковной реформой, не только призывая население не принимать новшества, но и высказывая свое мнение устно и письменно по всем догматическим и обрядовым вопросам, обсуждаемым в обществе. Мы уже обратили внимание на его активную позицию в отношении к осужденным собором: он намеревался попытаться облегчить их участь, воспользовавшись знакомством с влиятельными людьми.

Инок Авраамий по-прежнему находился в постоянном контакте с протопопом Аввакумом. В 1670 г. его арестовали, в том числе и за связь с опальным протопопом. В сочинении «Вопрос и ответ старца Авраамия» он сам описал ситуацию ареста и допросов, указав на следующее обвинение: «И паки Павел начал говорить: что ты, Авраамей бедной, худо делаешь, — пишешь ко Аввакуму протопопу грамотки, и в тех грамотках своих зело его хвалишь и о великих таких делах вопрошаешь его» [Материалы..., 1885. С. 389]. Здесь митрополит Крутицкий Павел сформулировал достаточно четко обвинение Авраамия в контактах с лидером противников реформы. При этом он подчеркнул, что Авраамий постоянно пишет «грамотки», в которых «зело хвалит» Аввакума и спрашивает его о «великих делах». Духовные власти явно знали содержание этих писем.

Под «великими делами» митрополит подразумевал, естественно, вопросы, связанные с религиозной жизнью. Об этом нам позволяет говорить его утверждение, что с

такими вопросами следует обращаться не к опальному протопопу, который, как он заметил далее, «за свое безумие и нечестие от всех архиереев Великия Росии проклят», а к церковным иерархам: «Есть зде в Московском государстве патриарх и прочие архиереи... ино есть кого спрашиватися и кроме его». В ответ инок Авраамий заявил, что он «отца Аввакума истинна Христова ученика исповедует, чего ради и вопрошает» и надеется «от него научиться всякому доброму делу» [Там же].

Из процитированного фрагмента «Вопроса и ответа старца Авраамия» явствует, что Афанасий и после отказа от подвига юродства находился в постоянном контакте с протопопом Аввакумом, стремясь «от него научиться всякому доброму делу». Одобрив отказ Афанасия от подвига юродства, а может быть, и инициировав его, Аввакум стал поддерживать инока Авраамия в его деятельности по защите старых обрядов. Она заключалась уже не только в устной проповеди. Защитникам старого обряда нужны были люди, способные после собора 1666–1667 гг. дать достойный ответ, подведя итог длительной дискуссии между сторонниками и противниками церковной реформы. Возможно, на инока Авраамия и была возложена эта миссия. Во всяком случае, именно он в 1667–1669 гг. составил сборник «Христианопасный щит веры против еретического ополчения». В нем он собрал все авторитетные сочинения, написанные защитниками старого обряда к этому времени, в том числе и собственные, дополнил их произведениями древнерусских авторов и выписками из старопечатных книг.

Для составления такого сборника ему нужны были соответствующие тексты, которые, по-видимому, ему были предоставлены. Во всяком случае, некоторые сочинения защитников старого обряда дошли до нас только в составе этого сборника. Возможно, рукописи, содержащие авторитетные в среде противников церковной реформы произведения, были собраны в одном месте. В момент ареста в 1670 г. у инока Авраамия был изъят архив. Об этом упоминает несколько раз сам инок Авраамий в «Вопросе и ответе»: «И учал (думный дьяк. — Н. Г.) мя вопрошати о писмах моих, у кого что взял и кто писал те писма. И аз сказал о писмах: кто писал, не вем; а достались мне писма от покойнаго игумена Феок-

тиста, и от старца Антония, и от Григория Неронова» [Материалы..., 1885. С. 388].

Ниже он пояснил, какую тактику выбрал, отвечая на вопрос о «писмах», когда думный дьяк выяснял по реестру, составленному после ареста: «Да и сие вам поведаю, как спрашивал меня думной о писмах, по выпискам своим, в тонкость о всяком деле <...> и о чем мочно отвод дать, скажу, а иных будто не помню по выписке сказать. И думной доколе приискивает моих писем, и я в те поры понадумаюся» [Там же. С. 412–413]. Властям важно было определить принадлежность изъятых рукописей, которых было, по-видимому, немало. Авраамий здесь объяснил свою линию поведения. Он отвечал только в том случае, когда речь шла об уже умершем составителе рукописи, как это было с иноком Феоктистом и Григорием Нероновым. Если это могло повредить живущему, он отговаривался «будто не помнит», о чем идет речь. Дьяк вынужден был отыскать это «письмо» среди изъятых для предъявления. Авраамий, как он поясняет, таким образом выигрывал время, чтобы придумать правдоподобную версию ответа.

Мы обратили внимание на этот фрагмент «Вопроса и ответа старца Авраамия», чтобы засвидетельствовать факт наличия в московской общине или у самого инок Авраамия архива, содержащего рукописи с сочинениями, написанными к этому времени в защиту права не принимать нововведений, внесенных в результате церковной реформы в русский обряд и богослужебную практику. Это позволило ему составить сборник, в котором не только нашла отражение, но и обрела достаточно структурированную форму идеология раннего этапа старообрядческого движения. Работа, проделанная иноком Авраамием в этом случае, характеризует его как явного духовного лидера, способного не только дать достойный ответ на соборное решение, одобрявшее нововведения и предавшего анафеме противников церковной реформы, но и предоставить убедительную аргументацию в пользу точки зрения, отстаиваемой защитниками старого обряда.

Сорок шесть глав сборника составили отобранные со знанием дела тексты, в которых не только провозглашались, но и обосновывались идеи, сформулированные к этому времени защитниками старого обряда. Инок Авраамий сумел представить идеоло-

гию раннего этапа старообрядческого движения как весьма цельную и непротиворечивую. Для этого, естественно, он должен был произведения, написанные противниками церковной реформы, включить в сборник в несколько отредактированном виде. Инок Авраамий постарался отобрать авторитетные тексты, внося в них совсем небольшие коррективы. При публикации «Христианоопасного щита веры» Н. Субботин отметил несколько таких случаев [Материалы..., 1885. С. 1–257].

Ярким примером может служить работа инок Авраамия с текстом «Молебного писания старца Феоктиста к собору 1666 г.», в котором было представлено развернутое и достаточно аргументированное обоснование права оставаться в оппозиции к церковной реформе. Инок Авраамий поместил его в «Христианоопасный щит веры» в качестве 15-й главы, воспроизведя дословно, исключив только следующий фрагмент: «...и с тех книг, благоволением великаго государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, советом же и благословением вас, преосвященных великих Божиих архиереев, исправленные книги новаго тиснения при емлю и облобызаю, и верую и держу»⁸.

В данном случае инок Авраамий убрал этот небольшой пассаж, чтобы позиция старца Феоктиста проступила более четко. В изъятом фрагменте сказано, что автор якобы признает «исправленные книги новаго тиснения». Подобные заявления противников церковной реформы были обусловлены желанием достигнуть временного компромисса с властями, чтобы суметь привлечь на свою сторону государя. После собора 1666–1667 гг. изменилась ситуация, защитники старого обряда окончательно расстались с иллюзиями. Дело в том, что они возлагали большие надежды на собор, на котором предполагали привести доказательства и убедить в неправомерности нововведений. В декабре 1665 г. на допросе дьякон Федор заявил следующее: «А о Службниках де новые печати говорить не смеет, а служить де по тем Службникам новой печати не будет до собору» [Материалы...,

⁸ Этот фрагмент, исключенный иноком Авраамием, отмечен Н. Субботиным при публикации текста «Молебного писания» по автографу. См.: [Материалы..., 1874. С. 349].

1885. С. 402]. В переданных словах дьякона Федора проступает явное желание не обострять ситуацию, как и в изъятом фрагменте из «Молебного писания старца Феоктиста».

Власти, естественно, заинтересовались, откуда дьякон Федор узнал о предстоящем соборе: «И преосвященный митрополит его дьякона Федора допрашивал, кто ему сказывал и почему он ведает, что о книгах новые печати собор будет». Дьякон Федор ответил так: «...сказывал де ему про собор Аввакум, а к нему де, Аввакуму, присылаю от великаго государя, как был на Москве, чтоб терпел до собору...» [Там же. С. 402–403]. Здесь достаточно четко выражена мысль о том, что защитники старого обряда в то время еще надеялись на благоприятный для себя исход. Собор для православного христианина являлся высшей инстанцией. Дьякон Федор сумел придать особую значимость предстоящему собору, сообщив, что Аввакума о нем предупредил сам «великий государь», посоветовав «терпеть до собору». Это типичная для защитников старого обряда точка зрения, которой они придерживались до собора 1666–1667 гг. В ней сочеталась уверенность в собственной правоте и надежда на возможность переубедить своих оппонентов, а самое главное, привлечь на свою сторону государя.

Инок Авраамий, составляя «Христианопасный щит веры», явно понимал и не осуждал эту особенность воззрений противников церковной реформы раннего этапа. Фрагмент о признании «исправленных книг нового тиснения» он исключил из «Молебного писания старца Феоктиста», чтобы не смущать читателей. Совсем не случайно после текста он поместил и свое пояснение, в котором кратко охарактеризовал личность автора, упомянув, что это старец Феоктист, «бывый прежде игуменом в Златоустове монастыре», скончавшийся «в мучении» из-за этого «писания». «Горек им был обличитель, – завершает свой рассказ иннок Авраамий, – восписуя бо Божественных Писаний свидетельства многа и обличая их кривоприсяжное отступление и тщетное поучение, никонианския богохулныя ереси и о нарушении православныя христианския непорочныя во Христа Бога отцепеданныя веры, на лживое учительство и прелщение. Скончашеся <...> во 174-м году» [Там же. С. 85].

В этом послесловии иннок Авраамий сумел представить автора и дать высочайшую оценку его «Писанию». По мнению составителя, старец Феоктист смог обличить «никонианские богохулныя ереси», собрав «свидетельства многа» от Божественных Писаний. Читатель, таким образом, был сориентирован в нужном составителю русле. Новыми заголовками, небольшим редактированием, а также послесловиями составитель сумел представить все сочинения, написанные к этому времени в защиту старых обрядов, в качестве системы. Он отобрал авторитетные сочинения, авторы которых либо уже мученически скончались, либо продолжали страдать за истинную веру. Все это делало сборник цельным текстом, в котором были сформулированы особенности вероучения и приведены достаточно веские аргументы в пользу защитников старого обряда. Немаловажную роль играли включенные в сборник сочинения самого инока Авраамия. Например, 25-я глава озаглавлена следующим образом: «Моление от лица озлобленных чад церковных ко царю державному о умирении Святыя Церкви». Под таким названием был включен текст, представляющий, как справедливо заметил Н. Субботин, «по своему плану и содержанию как бы первоначальную попытку к составлению Челобитной» [Там же. С. XX].

Мы не случайно обратили внимание на эту главу сборника. В ее названии проступает мысль, что защитники старого обряда расстались с иллюзиями, которыми они жили до собора 1666–1667 гг. Уверенность в собственной правоте, которая была подкреплена весьма убедительными аргументами, найденными в рукописях и старопечатных книгах, поддерживала в них надежду на благоприятный для себя исход. Но собор лишил их возможности отстаивать свою точку зрения, они были преданы не только анафеме, но и градскому суду. Употребив выражение «Моление озлобленных чад церковных», иннок Авраамий пытался подчеркнуть тот факт, что противники церковной реформы притесняемые и мучимые взывают к справедливости. Об этом заявлено уже в самом начале: «Молим тя, самодержавне, приклони милостивно ухо твое ко изгнанным правды ради и неимущим уже где главы подклонити: время ти есть воспрянути от помраченныя прелести зловерных» [Там же. С. 209].

Двадцать пятая глава большей частью вошла в Челобитную инока Авраамия, направленную на имя царя Алексея Михайловича. Ее он написал после ареста в 1670 г. В этой Челобитной в довольно откровенной форме высказаны претензии от имени всех защитников старого обряда. Это последнее сочинение инока Авраамия послужило причиной его казни в 1672 г. Составление сборника «Христианоопасный щит веры», в котором в определенной степени был подведен итог длительной дискуссии между сторонниками и противниками церковной реформы, помогло иноку Авраамиию не только быть в курсе обсуждаемых проблем, но и получить достаточно полное представление об идеологии раннего этапа старообрядческого движения. Он своими сочинениями тоже внес посильный вклад в ее оформление, но особенно четко она проступает в Челобитной.

В 25-й главе сборника «Христианоопасный щит веры», как и обозначено в названии, находим обращение к царю от имени «озлобленных чад церковных», а в Челобитной инока Авраамия, естественно, от первого лица. По сути, и в том, и в другом случае инок Авраамий выступает от лица всех защитников старого обряда. В Челобитной он сумел выразить согласованную точку зрения по спорным вопросам, обсуждаемым в обществе после собора 1666–1667 гг. Высокая оценка ее содержания дана в заглавии-аннотации, воспроизведенном при публикации текста Н. Субботиным: «Книга, глаголемая Челобитная. Снискание и труды и от Божественных Писаний свидетельства новаго исповедника и страдальца Христова инока Авраамия. Иже в сей челобитной объяви и описа подробно кияждо богомерския ереси никониянския, что обретошася в новоизданных книгах. Яже хотяй спастися, ведати сия должен. Понеже бес правыя веры невозможно есть угодити Богу» [Материалы..., 1885. С. 259].

В этой аннотации проступает восприятие текста Челобитной следующими поколениями защитников старого обряда. В ней воздали должное автору, сумевшему, как они считали, «свидетельствами от Божественных Писаний» разоблачить неправомерность нововведений. Читателю этот текст, в котором, по мнению автора, была выражена сущность истинного вероисповедания, рекомендовался для обязательного прочтения,

если он заботится о своей душе. Действительно, в Челобитной, в концентрированном виде была представлена суть расхождений противников церковной реформы с ее сторонниками. Инок Авраамий сумел не только изложить, но и привести все аргументы, собранные к этому времени защитниками старого обряда, в пользу своей точки зрения. В этом проявился его талант писателя-публициста, ставшего одним из духовных лидеров старообрядческого движения в конце 60-х – начале 70-х гг. XVII в.

Разумеется, инок Авраамий ориентировался на стиль своего духовного отца Аввакума, на его последнюю, Пятую челобитную Алексею Михайловичу. Очень искренняя, страстная речь обращена к государю, которого оба автора пытались обратить на «путь истинный», т. е. убедить в несправедливости гонений на старообрядцев. Доверительный тон Челобитной Авраамия придает обращения типа: «Послушай, самодержавне, побеседую с тобою, яко усты ко устам...» или «Послушай, Михайлович...». Основную проблему он обозначил так: «И воистинну, государь, ныне оне, власти, паче того богототупнаго Никона, правоверных христиан люто озлобляют, а православную веру до конца истребляют, или рещи, яко и всю искоренили». Инок Авраамий не ограничился только этим обвинением, что духовные власти «люто» мучают, обижают противников церковной реформы, а подробно описал их страдания, начиная с собственных. При этом напомнил государю, что «мнози отцы и братия наша, чада церковная, имущи велику ревность во благочестии, и челобитныя тебе, государю, подали...» [Материалы..., 1885. С. 262, 260].

Далее, перечислив казни, которым были подвергнуты осмелившиеся выразить протест против нововведений, автор с горечью заключает: «И ты, царю, о всех вышереченных неумолим пребыл еси. <...> И ты, государь, пекущихся зело о святей восточной церкви и о спасении твоей цареви души, и о утверждении царствия твоего, страдалцов моления во всем презрел и благого их совета удалил и послушал совета злоласковцев мира сего и отступников православныя веры, гонителей христианских, нынешних властей, учеников Никоновых...». Это позволило Авраамиию сформулировать в адрес государя самое главное обвинение: «Понеже государь, твоим попусшением еретики Цер-

ковь Божию развратили зело и вся церковныя правыя догматы истребили без остатку...». После этого совершенно изменился тон обращения: «Изволь, государь, послушать; ис темницы, яко из гроба, тебе глаголю, сидя за крепким караулом в духовном Содоме и Египте: приклони милостивно ухо свое ко изгнанным правды ради» [Материалы..., 1885. С. 262, 265, 266].

Челобитную инока Авраамия отличает от других последовательность в обличении поведения царя Алексея Михайловича, «попущением» которого, по мнению автора, еретики «церковныя правыя догматы истребили без остатку». Вина его, как считал Авраамий, заключалась в том, что не прислушался к обращениям «страдалцов», писавших челобитные, а «во всем презрел и благаго их совета удалился». Всех противников церковной реформы он обозначил как «изгнанные правды ради». В этом обличительном пафосе, в форме его выражения явно проступает опыт юродивого Афанасия, которому позволялось «свободно и дерзновенно новины Никоновы обличаше». Инок Авраамий как писатель-публицист позволил себе подобную «свободу» реализовать в своих сочинениях. Его Челобитная написана не только от собственного лица, но и от имени всех защитников старого обряда – от живых и уже ушедших из этого мира, «озлобленных чад церковных». Инок Авраамий явно ощущает себя безусловным духовным лидером противников церковной реформы в этот период, таковым его стали считать и все последующие поколения старообрядческого движения.

Список литературы

Живов В. М. Святость: Краткий словарь агиографических терминов. М.: Гнозис, 1994. 110 с.

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения / Под ред. Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, Н. С. Демковой, А. С. Елеонской, А. И. Мазунина. Иркутск: Вост.-Сиб. изд-во, 1979. 367 с.

Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М.: Братское слово, 1874. Т. 1. 491, VI с.

Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М.: Братское слово, 1885. Т. 7. 434 с.

Памятники истории старообрядчества XVII века / Под ред. С. Ф. Платонова. Серия: Русская историческая библиотека. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Т. 39. 960 стб.

Памятники первых лет старообрядчества / Под ред. Я. Л. Барскова. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1912. 426, XI с.

Панченко А. М. Смех как зрелище // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 72–153.

Панченко А. М. Юродивые на Руси // Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. СПб.: Журнал Звезда, 2008. С. 26–41.

Повесть о боярыне Морозовой / Подг. текстов и исслед. А. И. Мазунина. Л.: Наука, 1979. 226 с.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. 410 с.; 2004. Ч. 4. 889 с.

Успенский Б. А. Анти-поведение в культуре древней Руси // Успенский Б. А. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 460–476.

Федотов Г. Святые Древней Руси. М.: Моск. рабочий, 1990. 270 с.

Материал поступил в редколлегию 18.06.2010

N. S. Guryanova

FROM HOLY FOOLISHNESS TO SPIRITUAL LEADERSHIP: HOLY FOOL AFANASII AND WRITER-PUBLICIST MONK AVRAAMII (XVII Century)

In this article the certain facts about Avraamii are examined in order to observe the metamorphosis of holy fool, turned into spiritual leader. Analysis of his letters and compositions allowed to show with the complete evidence, that after the transformation of holy fool Afanasii into monk Avraamii he not only began to realize himself as a spiritual leader, but also gain the authority among the people.

Keywords: holy fool, XVII century, church reform, Old Believe, social-politics protest.